

Г. И. Кустова*
(Москва)

ОБ ИЛЛОКУТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Игорю Александровичу Мельчуку

A b s t r a c t. The author considers a peculiar type of verbal phrasemes which are tentatively called illocutives. They arise as a result of syntactic isolation of a certain form of verbal paradigm and are reserved for expressing a particular illocutive function: *idet* ‘it goes’ — consent, *beregis!* ‘beware!’ — threat, *pereb’esh’sja* ≈ ‘you will weather it out yourself!’ — refusal and so on (in the Russian linguistic tradition such forms are usually treated as verbal interjections, i.e. in grammatical terms). Breaking away from the verbal paradigms illocutives make their way to new — illocutive — paradigms which, apart from illocutives, comprise other linguistic means of expressing illocutive functions. The rise of «illocutive formulas» is a live process: different illocutives find themselves at different stages of paradigmatic isolation and illocutive lexicalization. The next stage in the evolution of illocutives is their transformation into metatextual markers which have special functions in various speech acts: to call the addressee’s attention to something, to intensify the impact of one’s words on him/her, to lend more weight to one’s words, to express one’s attitude to something and the like: *Pogodi, ja sam* ‘Wait, I’ll do it myself’ vs. *Pogodi, razve on uexal?* ‘How is that? Has he left?’

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеологизация, грамматикализация, связанные значения, иллокутивная функция, речевое клише

Множество работ юбиляра, а также других создателей и последователей теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» и Московской семантической школы посвящено проблемам фразеологизации и разным типам несвободных языковых единиц, среди которых выделяются идиомы, коллокации, синтаксические фраземы, прагматические фраземы; см., например (Иорданская, Мельчук 2007; Апресян и др. 2010). Данная работа посвящена процессу, сочетающему в себе черты грамматикализации и фразеологизации и дающему на выходе еще один тип фразеологических единиц, которые можно назвать иллокутивными фраземами, или, лучше, иллокутивными идиома-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-04-00223 «Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь». Примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

ми (поскольку под фраземой обычно понимают сочетание единиц, а среди иллокутивных идиом встречаются и однословные единицы).

1. Грамматикализация, фразеологизация, «иллокутивизация»

Грамматикализация и фразеологизация относятся к числу основных языковых процессов, порождающих неполнозначные, несвободные единицы.

Процесс грамматикализации в типичном случае он заключается в том, что отдельная форма слова меняет не только значение, но и грамматические свойства, в результате чего «отрывается» от исходной парадигмы и становится другой (служебной) частью речи, ср. превращение глаголов в частицы (*давай поговорим*; *пускай зайдет* — в этом процессе участвуют единичные глаголы) или предложных групп в союзы (*в ходе чего*; *по мере чего*; *под предлогом чего* — этот процесс охватывает сравнительно большие группы лексики).

З а м е ч а н и е. Имеются, конечно, и промежуточные случаи типа *дайте пройти*; *возьму и скажу*, где формы еще есть (*не дает пройти*; *взял и сказал*), но глагол уже функционирует как вспомогательный.

Процесс фразеологизации неоднороден: у него есть «уникальная» часть (дающая непредсказуемые результаты, ср. образование идиом типа *повесить нос* или *куры не клюют*) и есть «массовая», системная часть — образование производных значений слов. Разумеется, не каждое производное значение является фразеологически связанным. Но, во-первых, для многих производных значений верно, что они являются более связанными (лексически, фразеологически, конструктивно, синтаксически), чем исходные, а во-вторых, многие слова в процессе семантической эволюции превращаются в так наз. лексические функции (см. (Мельчук 1974; Апресян 1974)), т. е. приобретают фразеологически связанное значение, которое реализуется в составе коллокации, ср. *дать слово*, *принять решение*, *испытывать сомнения*, *оказать влияние* (этот процесс характерен для абстрактной (предикатной) лексики, прежде всего для глаголов, качественных прилагательных и наречий).

При всем различии процессов грамматикализации и фразеологизации между ними существует очевидное и важное сходство: во-первых, оба процесса можно рассматривать как превращение полнозначных единиц во вспомогательные, служебные (степень и характер служебности при этом различны); во-вторых, получающиеся на выходе единицы являются в той или иной степени идиоматичными (семантически непрозрачными, не полностью мотивированными). В этом отношении грамматикализацию и фразеологизацию можно рассматривать как два направления, две ветви более общего процесса специализации лексем и грамматических форм. Основной тезис данной работы состоит в том, что этот процесс специализации не ограничивается двумя

указанными направлениями. Есть по крайней мере еще одно, которому и посвящена данная статья.

Речь пойдет о явлении, достаточно широко представленном в языке, но в меньшей степени привлекавшем внимание исследователей, — это образование особых значений у отдельных форм, их специализация, приводящая к обособлению от исходной парадигмы. При этом они не утрачивают полностью свойств исходной части речи, поэтому такие формы получают в толковых словарях статус особого значения или особого употребления слова.

Материалом послужат формы глаголов. Вот несколько иллюстраций (нумерация значений и толкования даются по МАС):

СОЙДЕТ (*сойти* 11.2) — 3 л. ед. ч. буд. вр. В знач. безл. сказ. Приемлемо, сносно. *Ладно, сойдет.*

ИДЕТ (*идти* 27) — 3 л. ед. ч. наст. вр. Прост. Употребляется в значении: ладно, согласен.

ПОЙДЕТ — 3 л. ед. ч. буд. вр. (в МАС значение согласия не выделяется).

ГОДИТСЯ — 3 л. ед. ч. наст. вр. (в МАС значение согласия не выделяется).

ПОСТОЙ (*постоять* 2). Повел. Разг. Подождите уходить или делать что-л. *Нет, стой, я сама.* (В. Панова) || Употребляется как выражение удивления, несогласия, а также при припоминании чего-л. [*Майор*], *взглянув на женщину, вскрикнул. — Постойте! Это вы, Таня?* (Казакевич); ср. также ПОГОДИ.

БУДЕТ (*буду* 4) — 3 л. ед. ч. Разг. Достаточно, довольно. *Будет, не плачь, дедушка* (М. Горький).

ХВАТИТ (*хватить* 12) — безл. 3 л. ед. ч. Разг. Достаточно, довольно, пора прекратить (обычно в значении просьбы или приказа). *Хватит разговаривать.*

ШЕВЕЛИСЬ, *шевелитесь* (*шевелиться* 3) — повел. Разг. — употребляется как понуждение к действию в значении: делай(те) что-л. быстрее, торопись (торопитесь) (похожее толкование у ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ).

ДАВАЙ (*давать* 4) — повел. Прост. Употребляется как понуждение к действию. *Спи давай!*

ВАЛЯЙ (*валить* 6) — повел. Прост. То же, что *валить*² в 3 знач. — *Можно присесть? — Валяй.*

БЕРЕГИСЬ — повел. (в МАС значение угрозы не выделяется).

СМОТРИ (*смотреть* 9) — повел. а) Выражает предупреждение, предостережение или угрозу. *Смотри, в последний раз предупреждаю.* б) Выражает удивление, изумление чем-л. *Смотри, как расхрабрился* (Н. В. Гоголь).

ЗАШИБИСЬ — повел. (в МАС значение оценки не выделяется). *Костюмчик — зашибись!*

В отечественной лингвистике дискуссия вокруг этих форм имеет преимущественно грамматический характер и направлена на обоснование их грамматического статуса: считать ли эти формы (а) собственно глаголами с особым, измененным значением, (б) гибридными формами (глагольно-междометными) или (в) глагольными междометиями. При этом формы типа *идет* (согласие), *зашибись* (оценка), *перебьешься* (отказ), т. е. формы, не выражающие побуждение, в дискуссии о глагольно-междометных формах уходят на задний план, а в центре внимания традиционно оказываются императивы — в широком смысле, т. е. не только *брось, постой, валяй*, но и *хватит, будет*, которые рассматриваются в контексте других императивных междометий типа *цыц, брысь, тс* и под., с одной стороны, и этикетных междометий типа *прощай, здравствуй, бывай* и под. — с другой (см., например, (Виноградов 1947; Шмелев 1961; Мигирин 1971; Русская грамматика 1980; Лукин 1986; Кручинина 1990; Тихонов 2002), подробный обзор этой дискуссии см. в (Шигуров 2009: 156—235), где изложена и собственная концепция автора; в связи с нашей темой нужно упомянуть работу (Киприянов 1983), где слова типа *брось, хватит, кыш, bravo, спасибо* и под. отнесены к особой части речи — коммуникативам).

Мы будем рассматривать данный языковой материал не в терминах грамматических категорий, а в терминах иллокутивных актов.

С точки зрения семантики рассматриваемые формы претерпевают сдвиг значения в сторону большей или меньшей идиоматичности: у каких-то иллокутивов (ср. *Хватит!* ‘прекратите’, *Берегись!* ‘угроза’) семантические изменения более прозрачны, т. к. основаны на импликациях, у других (оценочное значение у *Сойдет* и *Зашибись*, угроза у *Смотри* [, *дождешься у меня*], согласие у *Идет*) эти изменения не имеют столь очевидной мотивировки и не выводятся прямо из исходного значения глагола. В этом сходство данного явления с фразеологизацией. Но есть важное отличие. При образовании фразеологически связанных значений семантический сдвиг обычно не ведет к парадигматическим ограничениям: фразеологически связанные значения, как и свободные, реализуются во всех формах (*дам слово, дашь слово, даст слово, дал слово, дай слово...*). В нашем случае значение реализуется не во всей парадигме слова, а в одной, реже — нескольких формах. Так, значения *идет, сойдет, хватит* и др. реализуются в одной-единственной форме — 3 л. ед. наст. или буд.:

- *Подежуришь завтра за меня? — Идет (*шло; *идеешь; *иду; *иди и т. д.; Иди ты*, впрочем, употребляется, но выражает не согласие, а отказ);
- *А посуду кто будет убирать? Так не пойдет! (*не пошло)*;
- *Рубашка не шелковая, а ситцевая. — Ничего, сойдет (Рубашка была ситцевая, но ничего, *сошло)*;

- *Предлагаю сто рублей за все. — Годится. (Предложил сто рублей. *Годилось);*
- *Хватит разговаривать! (*хватило разговаривать);*
- *Будет тебе, не нарывайся (*было тебе, не надо было нарываться).*

Такое парадигматическое обособление нельзя списать на безличность. У безличного значения — полная парадигма, пусть она и меньше, чем у личного (это три (у глагола СВ — две) формы времени и сослагательное наклонение).

Весьма распространенным является парадигматическое обособление формы императива:

- Брось, не бери в голову / бросьте, все обойдется (*бросил);*
- Постой (те); погоди(те) (*постоял, *погодил).*

Правда, возможны оба числа, но в данном случае это различие незначимо. Значимой была бы возможность 3-го лица, которая существует для «обычного» императива: *войди* → *пусть войдет*.

З а м е ч а н и е. Такая возможность иногда существует и для обособленных форм, — например, угроза *попробуй только* (которая реализуется исключительно в императиве, ср. **Попробую только!*) имеет третьеличный вариант (*Пусть только попробует!*), — однако для *постой* и *погоди* такой перевод в 3-е лицо невозможен (**пусть погодит / постоит*).

Парадигматическое обособление может захватывать больше одной формы. Например, значение ‘выражение удивления, восхищения и т. п. чьим-либо действием, поступком’ (формулировка МАС) у глагола *давать* реализуется в двух формах — 2-е наст. и 3-е наст. (или в четырех, если считать ед. и множ. число, — это различие опять-таки незначимо): *Ну, ты даешь! (Ну, вы даете); Во дает! (Во дают!)*. В МАС для этого значения (*давать 5*) указано только одно парадигматическое ограничение — «1 л. не употр.». Очевидно, однако, что у этого значения нет сослагательного наклонения: **давал бы*, а также прошедшего и будущего времени: **Ну, ты давал; *Вот будут давать!* (в принципе, с таким употреблением *давать* в какой-то степени соотносятся выражения: *Ну, ты дал / он дал* — тоже в значении восхищения или удивления, но это формы глагола СВ *дать*, и они в данном значении как раз не употребляются в будущем времени: — *Я завтра заберусь на крышу небоскреба. — *Ну, ты дашь!*). Что касается императива *давай*, то он не употребляется в значении восхищения, т. е. не входит в парадигму *Ты даешь!*, зато употребляется в другом значении (по МАС — *давать 4*: «понуждение к действию»), ср., например, крики болельщиков на футбольном матче: *Давай, ребята!* Т. е. *Давай!* — это тоже парадигматическое обособление; следовательно, у одного глагола могут обособляться сразу несколько форм с разными функциями (это характерно, например, для дискурсивов, см. ниже).

З а м е ч а н и е. Еще одним случаем обособления формы *даешь* является ее использование в лозунгах типа *Даешь пятилетку в четыре года!*, где уже неупотребимо 3-е лицо и, скорее всего, множ. число (это употребление в МАС не фиксируется).

Хотя у парадигматического обособления есть сходство и с фразеологизацией, и с грамматикализацией, в большей степени это явление похоже все-таки на грамматикализацию, когда одна форма отделяется от парадигмы и приобретает особое значение и особую функцию. Только в нашем случае эта форма из сферы лексики переходит не в сферу грамматики, а в сферу иллокутивных функций. Принципиальное отличие «новых» значений не в том, что у них только одна форма, а в том, что они выступают в составе определенного речевого акта. Грамматические и семантические изменения являются лишь следствием этого. Именно здесь и кроется ответ на вопрос, почему эти значения существуют обычно в одной форме, — потому что, как и в случае грамматикализации, именно эта форма оказалась наиболее подходящей для нужд иллокутивной сферы и была приспособлена для обслуживания определенного типа речевого акта, а другие формы просто не имеют данной иллокутивной функции.

Таким образом, грамматическая форма, обособляясь от исходной парадигмы, становится показателем иллокутивной функции — типа речевого акта (и переходит в другую парадигму, см. ниже). И хотя эта форма продолжает осмысляться как глагольная, в значительной мере она превращается в служебную, только «служит» в коммуникативной сфере.

Для обозначения таких специализированных форм можно было бы использовать термины «иллокутивная идиома», или «иллокутивная формула», или «иллокутивное клише», но все они слишком громоздки, поэтому мы будем для удобства использовать сокращение «иллокутив» — в значении «иллокутивная идиома», «иллокутивный фразеологизм».

Показательно, что в словарях такие формы или вообще не толкуются, — при них дается лишь указание на тип речевого акта, например, *хватит!* — ‘в знач. просьбы или приказания’, на тип эмоции: *(ты) даешь* — удивление, восхищение; или толкуются через синоним, который может выполнять ту же иллокутивную функцию, что и толкуемое слово. Например, *идет* толкуется как ‘согласен’, но *идет* — это речевая формула выражения согласия, и *согласен* тоже может выступать в такой функции: — *Даю десять тысяч за все.* — *Идет / Согласен.*

Важно подчеркнуть, что все иллокутивы — это недескриптивное использование языковых форм. Со времени работ Бюлера и Якобсона коммуникативная (дескриптивная, «повествовательная», информационная, репрезентативная) функция языка противопоставляется различным недескриптивным функциям, из которых для нас наиболее важны функция самовыражения говорящего (экспрессивная) и функция воздействия на адресата (апеллятивная).

В этом же русле лежит противопоставление дескриптивных и недескриптивных лексических единиц (ср. (Иорданская, Мельчук 2007), где недескриптивные единицы подразделяются на перформативы и сигналативы). Для нас важно, что иллокутивы — это знаки актуального самовыражения или актуального воздействия, именно поэтому они не переводятся в описательно-повествовательные структуры и не имеют других форм: точно так же, как речевая формула *Я обещаю* при переводе в другую грамматическую форму (*Я обещал; Он обещал*) перестает быть перформативом (принятием обязательства), речевая формула *Идет* при переводе в другие формы перестает быть выражением согласия (на эту тему существует обширная литература, которую мы сейчас не можем обсуждать, см., например, работы Е. В. Падучевой о маркерах диалогического и нарративного режима, о первичных эгоцентриках (Падучева 1996)).

Среди формул-иллокутивов есть перформативные: говоря *Идет* в ответ на какое-либо предложение, говорящий совершает речевой акт выражения согласия, как если бы он сказал *Я согласен*; есть эмоционально-экспрессивные: *Ты даешь!* (в эмоционально-экспрессивной сфере в большей степени специализируются существительные и целые устойчивые выражения, ср.: *Красота!*; *Ну, дела-а-а*; *Вот это да!*, но мы сейчас не можем на этом останавливаться); есть апеллятивные: говоря *Вот видишь!* или *Да брось!*, говорящий хочет воздействовать на адресата и рассчитывает на какую-то реакцию (разумеется, есть и смешанные случаи, когда воздействие на слушающего совмещается с самовыражением говорящего, ср., например, выражение *Скажите, какая цаца!*, где говорящий хочет выразить свое неодобрение, недовольство, негативное отношение к адресату, но одновременно и попытаться воздействовать на адресата, скорректировать его позицию).

2. Иллокутивная парадигма

Мы уже отмечали, что обособившаяся форма-иллокутив, хотя и сохраняет некоторые свойства исходной части речи, в действительности покидает свою парадигму и переходит в другую парадигму — коммуникативную. Но если в парадигме слова определенной части речи (глагола или существительного) состав форм фиксирован и заранее известен (в сравнении с этой полной парадигмой отсутствие каких-то форм трактуется как неполная или дефектная парадигма), то речевые акты не имеют заранее известной номенклатуры форм, их парадигма, т. е. совокупность языковых средств их выражения, формируется более или менее стихийно.

Конечно, иллокутивная функция может быть выражена и тривиальным способом, ср., например, разрешение: — *Можно я на велосипеде поката-*

юсь? — *Можно / покатайся / разрешаю / не возражаю*; отказ: *Сделай кофе — Не сделаю*; *Сходи за хлебом — Не пойду*. Тем не менее имеется еще огромный арсенал иллокутивных клише, которые обслуживают различные типы речевых актов (ср., например, *Попробуй только!*; *Вон отсюда!*; *Здравствуйте!* и под., см. (Кобозева 2000: 261—263)).

Иллокутивные клише набираются не только из числа глагольных форм; в формировании иллокутивной парадигмы, обслуживающей определенную функцию, участвуют самые разные языковые средства. Например, требование прекращения или приостановки действия может выражаться глагольными формами: *Постой!*; *Погоди-ка!*, а может — субстантивными: *Минуточку!*; *Секундочку!*; разрешение и согласие может выражаться не только глагольными иллокутивами (см. ниже), но и, например, дискурсивными словами *Конечно*, *Пожалуйста*; ср. также форму *Свободны (свободен)* в значении ‘идите, можете идти’. Кроме того, в состав иллокутивных клише каждого типа речевого акта могут входить также устойчивые обороты, описательные и риторические выражения, пословицы.

Ниже в качестве иллюстрации приводятся несколько типов речевых актов, к которым тяготеют формы-иллокутивы (списки иллюстративные и потому, разумеется, неполные; кое-где включены также неглагольные иллокутивы и неоднословные обороты).

РАЗРЕШЕНИЕ

[— *Можно я на велосипеде покатаюсь?*] — *Валяй*; *Давай*; *Ладно*; *Хорошо*; *Конечно*; *Пожалуйста*; ср. также: *Да сколько угодно*; *Да ради бога*; *Да сколько хочешь*; *Да я разве против?!*; *Хоть до завтра*.

СОГЛАСИЕ

[— *Встретимся завтра в пять*] — *Идет*; *Годится*; *Давай*; *Приемлемо*; *Заметано*; *Хорошо*; *Ладно*; ср. также: *По рукам*; *В пять так в пять*; *Как скажешь*.

З а м е ч а н и е. Иллокутивы, как и другие единицы, могут быть полифункциональны: например, *Хорошо* может использоваться для выражения согласия, разрешения, оценки; *Берегись!* — в акте угрозы и акте предупреждения, и т. д.

ТРЕБОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ + НЕОДОБРЕНИЕ

Брось!; *Перестань!*; *Прекрати!*; *Кончай!*; *Хватит!*; *Будет!*; *Опомнись!*; *Уймись!*; *Хорош (Хорош выпендриваться!)*.

ЗАПРЕТ + НЕОДОБРЕНИЕ

Не выдумывай!; *Даже не думай!*; *Забудь об этом!*; *И не пытайся!*

ЗАПРЕТ + УГРОЗА

Только посмей!; *Только попробуй!*; *Только пикни!*; *Поговори у меня!*

УГРОЗА

Ну, погоди!; Ну, берегись!; Смотри [у меня]!; Ну, держись!; Ты меня вспомнишь!

ПОБУЖДЕНИЕ К УВЕЛИЧЕНИЮ ИНТЕНСИВНОСТИ

Шевелись!; Пошевеливайтесь!; Не спите!; Проснись! (здесь используется также множество риторических побуждений типа *Заснули?!; Что встали?!*).

ОТКАЗ

[Налей мне кофе!] — Перебьешься!; Обойдешься!; Отстань!; Отвали! (*Отстань* и *Отвали* употребляются, конечно, не только в значении отказа).

УПРЕК

Стыдись!; стыдно!; Не стыдно?!; Позор!; ср. также: *Как не стыдно!; Ни стыда ни совести!*

3. Классы глаголов, формы и процессы

Не все глаголы семантически пригодны для рассмотренных «иллокутивных сдвигов», поэтому образование иллокутивов нерегулярно и малопредсказуемо. Исключение составляют пропозициональные глаголы, т. е. глаголы с пропозициональными актантами. Пропозициональные глаголы разных семантических классов — перцептивные, ментальные, речевые — являются активными поставщиками иллокутивов:

Вот видишь! [А ведь я тебя предупреждал]; Вот увидишь!;
Смотри! (угроза), *Ты смотри!* (удивление);
Даже не думай; Ты подумай! (удивление); *Подумаешь!;*
Забудь!; И думать забудь!;
Даже не мечтай!; Размечтался!;
Как знать; Как знаешь; Ну, знаешь!;
Не скажи; Ну, ты скажешь!; И не говори!; Поговори у меня! (угроза + запрет, причем, не запрет говорить, а запрет возражать, противоречить); [*— Устал?*] — *Ох, и не спрашивай* (после того как уже спросил), и т. п.

Семантическая «мобильность» и изменчивость функций естественна для пропозициональных глаголов (ср. (Апресян 1995: 417—419), где показано, как фактивный глагол *знать* принимает целый спектр значений от знания и понимания до мнения и веры, см. также (Кустова 2004) о семантических модификациях перцептивных глаголов). Именно поэтому семантика пропозициональных глаголов хорошо подходит для формирования иллокутивов. На-

пример, выражение *Забудь [об этом]!* в буквальном смысле семантически аномально, т. к. забывание неподвластно человеку. Однако это выражение широко используется в функции иллокутива и значит либо 'не думай об этом, не придавай этому значения, не обращай внимания', либо 'не пытайся это сделать, ничего не предпринимай' (запрет, предостережение).

Что касается форм, то больше всего подходят для специализации в качестве иллокутивов императив, 2-е лицо и будущее время.

Ключевая роль форм 2-го лица имеет естественное объяснение. Информационный режим связан с изъяснительным («повествовательным») наклоном и с формами 1-го и 3-го лица. 2-е лицо отсюда выпадает, т. к. странно информировать адресата о том, что он делает. Конечно, говорящий может сообщить адресату какую-то неизвестную информацию о нем самом, например: *Ты испачкался; Тебя уволили*. Но в основном 2-е лицо естественно использовать в неповествовательных речевых актах, ср. вопросы: *Ты работаешь?*; предупреждения, предостережения: *Надень шапку, ты простудишься*; интерпретации (в смысле (Апресян 2006)): *Ты подводишь коллектив; Ты ошибаешься*; а также многочисленные косвенные речевые акты (Грайс 1985; Серль 1986), ср.: *Ты этого не сделаешь!*; *Ты не предупредил, что работаешь* и т. п.

Особое, можно сказать — центральное, место среди иллокутивов занимает, конечно, императив, что совершенно закономерно. Парадигма глагола «несимметрична», и в ней кроме «обычных» дескриптивных форм есть императив, который является двойственной, двуприродной формой, имеющей два аспекта: дескриптивный — обозначает конкретное действие (то же самое, что и индикативные формы) — и иллокутивный — выражает речевое действие побуждения (или другие речевые действия), т. е. в каждой глагольной парадигме есть «показатель» речевого акта. В этом смысле любой императив — это иллокутив. Однако это, так сказать, тривиальный иллокутив. А на его базе могут развиваться еще и нетривиальные иллокутивы с особыми значениями и функциями.

Вообще, форма императива включает в себе идеальные условия для образования иллокутива. Иллокутивы недескриптивны; как правило, разговорны, т. е. стилистически маркированы; экспрессивны как в смысле самовыражения говорящего, так и в смысле воздействия на адресата, — в императиве все или многие из этих функций и признаков сливаются (экспрессивность и аффективность императива неизменно подчеркивается в лингвистических работах (ср. Виноградов 1947: 596), а согласно более радикальной точке зрения императив нужно считать вербоидом, совмещающим свойства глагола и междометия, ср. (Пазухин 1974: 89)). Многие глаголы, например, предикаты внутреннего состояния, вообще не предполагают никаких действий в физическом пространственно-временном континууме, и их императив с самого начала имеет функцию эмоционально-психического воздействия на адресата:

Стыдись; Не бойся / Не дрейфь!, Забудь! и под. — или выражения эмоционального состояния и оценок говорящего: *Ты подумай!; Ты смотри!*

Формы будущего времени почти модальны и, как и императив, хорошо подходят для «иллокутивизации»: — *Ты поедешь на дачу? — Посмотрим; — Кофе угостишь? — Обойдешься!*

Разумеется, иллокутивами могут быть и другие формы: *Размечтался!; Приехали!*, — но они не столь многочисленны.

Образование иллокутивов — живой активный процесс, и разные «отделившиеся» формы находятся на разных стадиях этого процесса. Некоторые иллокутивы сохраняют связь со значением дескриптивных форм, претерпевая небольшие семантические изменения. Такие иллокутивы, находящиеся в стадии неполного обособления, могут и не фиксироваться в словарях. Другие настолько утрачивают связь с исходной парадигмой, что осмысляются как особые единицы и фиксируются в словарях.

Примеры иллокутивов, которые отражены в словарях в виде особых значений глаголов, приведены в начале статьи, теперь рассмотрим несколько случаев иллокутивов, которые в словаре не зафиксированы.

(1) — *Кофе угостишь? — Обойдешься! / Перебьешься!*

У глаголов *обойтись* и *перебиться* форма 2-го лица будущего времени имеет иллокутивное значение отказа. Рассмотрим его на примере глагола *обойтись*.

У глагола *обойтись* в интересующем нас значении есть две основных конструкции: *обойтись чем* и *обойтись без чего / без кого*. Обе означают, что действие происходит в неблагоприятных условиях и/или с недостаточными ресурсами: *100 рублей, конечно, мало, но что подделаешь, обойдусь этой суммой; Ну, вы без меня обойдетесь? Мне надо срочно уехать. — Обойдемся, езжай, не волнуйся.*

Во 2-м лице часто появляется оценочный компонент — отрицательное, неодобрительное отношение говорящего к субъекту ситуации: «*Какие еще цветы, обойдетесь порченными яблоками*» (В. Орлов. Альтист Данилов. 1980); — *О, — воскликнула Клава Ивановна, — тебе как мед, так ложкой! Обойдешься без медиатора* (А. Львов. Двор. 1981). Сравним диалоги (а) и (б):

(а) — *Кофе сегодня не будет. — Ну, ничего, обойдемся без кофе.*

(б) — *Сейчас бы кофе выпить! — Обойдешься без кофе!*

В ситуации (а) говорится, что кофе не было (хотя какое-то питание было), и отсутствие кофе — плохо для субъекта. В ситуации (б) кофе, скорее всего, есть, а если его и нет, говорящий подчеркивает, что субъект хочет чего-то незаслуженного и неуместного и потому вызывает неодобрение. Т. е. в (а)

подразумевается, что ситуация плохая для субъекта, а в (б) — что субъект плохой и не заслуживает того, что просит.

Кроме того, *Обойдешься без X-а* и изолированная форма *Обойдешься* могут функционировать как иллокутивная формула отказа:

— *Сделай мне кофе!* — *Обойдешься!*

Это, конечно, не единственная формула в парадигме отказа, арсенал средств отказа в русском языке чрезвычайно богат, ср., например: *Шии тебе!*; *Как же, спешу и падаю*; *Счаз!*; *Побежал!*; *Разбежался!*; *Ага, уже бегу!*; *А фонтан с лебедями не хочешь?*; *Ишь, чего захотел*; *А шнурки тебе не поглядить?* и др. (это отказ в ответ на просьбу; у отказа в ответ на требование есть своя нюансы, ср. *И не подумаю*, — но мы их не рассматриваем).

(2) *Ты меня вспомнишь!* (также в 3-м л.: *Он меня вспомнит!*)

Вспомнишь может иметь прямое значение ('восстановить в памяти'), ср.: *Надеюсь, ты меня вспомнишь / Боюсь, ты меня не вспомнишь через десять лет* — с полной парадигмой (*вспомнил через десять лет*). Кроме того, у формы *вспомнишь* есть иллокутивное значение угрозы ('я сделаю тебе нечто плохое' — скорее всего, в ответ на что-то плохое со стороны адресата), ср.: *Избавилась от отца и даже не скрывает удовольствия*. (Нине.) *Ну ничего. Ты меня еще вспомнишь!* (А. Вампилов. Старший сын. 1965) (**Она меня вспомнила*). Значение угрозы характерно, например, для глаголов *дать*: *Я тебе дам!* (оно естественно вытекает из значения удара и физического ущерба: *Как дам по голове!*) — и *показать*: *Я тебе покажу!* (скорее всего, сокращение от *Я тебе покажу, где раки зимуют / кузькину мать!*). Но у этих глаголов идея ущерба есть и в прошедшем времени (*Вот он им всем дал, когда узнал; Начальник вернулся и показал им всем*), и именно за счет этой «отрицательной» семантики возникает значение угрозы в будущем времени. Значение «отрицательного воздействия» у *дать* и *показать* фиксируется в словарях (вообще, угроза в форме будущего времени 1-го лица может выражаться и у других глаголов отрицательного воздействия, ср.: *Я тебя убью!* и под.). Значение угрозы у *вспомнишь* основано на имплицативной цепочке ('когда и поскольку я тебе сделаю что-то плохое, ты меня вспомнишь'), но появление здесь «отрицательного» компонента, в отличие от *дать* и *показать*, совершенно нетривиально, кроме того, в других формах этот компонент не появляется (*Я тебя вспомню; Ты меня вспомнил* и т. д.). В словарях ни значение угрозы, ни значение отрицательного воздействия у *вспомнишь* не отмечается. Но и фразеологизма *Ты меня еще вспомнишь!* во фразеологических словарях тоже нет. Тем самым это выражение, как и многие другие, должно стать объектом словаря иллокутивной идиоматики.

З а м е ч а н и е 1. Вообще, для некоторых глаголов памяти характерна импlicative цепочка ‘вспомнить (не забыть) → почувствовать → сделать (кому-то что-то плохое)’. Но, во-первых, значение отрицательного воздействия представлено не только в будущем времени (*Он им все припомнил*), а во-вторых, значение ущерба реализуется в другой конструкции — с дательным падежом, в которую, кстати, легко вставляется и *вспомнить*: *Я тебе припомню!*; *Подожди, я тебе это вспомню*; *Я ему этого никогда не забуду, хоть сто лет пройдет* (интересно, что *не забуду* может выражать не только угрозу, но и благодарность: *Спасибо, друг, я этого никогда не забуду*).

З а м е ч а н и е 2. В сложном предложении у *вспомнишь* наблюдается еще один интересный семантический эффект, ср.: *Не крути головой, ты меня еще вспомнишь, когда Москву на цифру переведут* («Русская Жизнь», 2008) — ‘вспомнишь мои слова, оценишь правильность моих предположений, прогнозов’.

(3) *Шевелись; Пошевеливайтесь; Не спите!*

Иллокутив *Не спи(те)!* входит в ряд команд типа *Шевелись!* (понуждение к более интенсивному действию). В словаре отдельно фиксируются в данной форме (повел.) и функции только *шевелиться* и *пошевеливаться* (см. выше). Что касается *спать*, у него выделяется переносное значение ‘быть вялым, пассивным, бездействовать’, но это обычное значение с полной парадигмой, включающей в том числе и императив, причем он употребляется как с отрицанием (*Не спите! Слушайте музыку революции!*), так и без отрицания: *Вокруг все бурлит, а вы спите. Ну, спите дальше*. Иллокутив *Не спите!* в качестве синонима *Шевелитесь!* (‘делайте Р быстрее’) не имеет положительной формы (**Спите!* — в значении, например, ‘помедленнее, поосторожнее’ или даже ‘прекратите Р’) и вообще не имеет парадигмы (ср.: *Надсмотрщик кричал рабочим: «Не спите! Пошевеливайтесь!», и они *не спали*).

(4) Наконец, рассмотрим ряд, формы которого находятся в разной степени парадигматического обособления и иллокутивной фразеологизации: *Брось!*; *Перестань!*; *Прекрати!*; *Кончай!*; *Хватит!*; *Опомнись!*; *Уймись!* и др. Мы возьмем лишь фрагмент этого ряда: *Брось, Перестань* и *Кончай*.

В словаре как особая форма с особой функцией отмечается только *брось*:

Брось(те) — повел. Прост. Употребляется часто в значении: *перестань(те), оставь(те), не надо. Брось говорить глупости; Брось! пустая это думушка!* (Н. А. Некрасов).

Между тем *перестань* и *кончай* имеют точно такую же функцию, и, хотя не отмечаются в словарях как обособившиеся, их обособление от парадигмы уже произошло.

Рассматриваемые глаголы имеют словарное фазовое значение (у *бросить* оно производное), причем нейтральное — в разных формах, кроме императи-

ва (примеры извлечены из НКРЯ, но из соображений экономии места приводятся в основном не полные предложения, а минимальные контексты): **кончал** дежурство; *Маяна кончала готовить мамалыгу*; *Мы кончали пить чай*; *Однажды, когда они уже кончали работать, в кабинет с папкой в руках вошёл Хрипушин* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978); *В тот момент, когда Мадьяров кончал свою речь, вошла Марья Ивановна* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960); *борода перестала расти*; *кубик перестанет давить на подставку*; *перестанем лукавить* (бросить сочетается в основном с неактуальными ситуациями, ср. *бросил курить, бросил заниматься музыкой, бросил спорт, бросят работу*). В императиве эти глаголы не являются нейтральными — они выражают не просто побуждение, а, так сказать, экспрессивное побуждение. В зависимости от интонации и соотношения статусов говорящего и адресата это побуждение может находиться в широком диапазоне от категорического требования до мягкого увещания, но при этом оно сопровождается оценкой действия как нежелательного, неуместного, нерационального и потому неодобряемого говорящим. Т. е. это попытка скорректировать неэтичное или нерациональное поведение адресата, ср.: **Перестань** на меня орать; **Кончай** выпендриваться; **Брось** копаться в этом мусоре.

В принципе, этот эффект неодобрительности имеет прагматическую природу: раз говорящий требует прекращения ситуации, значит, для этого есть какие-то основания — например, эта ситуация нежелательна, предосудительна. Однако отнюдь не все фазовые глаголы сопровождаются таким прагматическим эффектом в императиве, ср. *заканчивай, закругляйся, завершишай*. Императивы же *брось, перестань, кончай* обслуживают главным образом оценочные и интерпретационные глаголы и контексты: *перестань хамить / кукситься / чепуху молоть / елозить этой тряпкой / плакаться / хныкать / безобразничать / паясничать / врать / кривляться*; *кончай препираться / дурака валять / трепаться / базарить / болтать / нести ерунду / молоть чепуху / паясничать / цитировать этого идиота* (глагол нейтральный, но контекст негативный); — *Эй, банковский деятель, кончай мечтать!*; — **Кончай** устраивать представление!; — **Кончайте** разводить антисоветскую пропаганду; — *И кончайте уже девок в транспорте разглядывать!* Нейтральные же, не оценочные глаголы в контексте *брось, перестань* и *кончай* выступают как обозначения нежелательных ситуаций, требующих корректировки, «смягчения» или прекращения: **«Перестаньте шептаться!»** (В. Аксенов. Таинственная страсть. 2007); — **Перестань** играть с котом, — *говорит Джука сыну, — а то будет пожар* (Н. Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003); — *Эй, ты, если не трус, перестань прятаться!* (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009); **Перестань** называть

ее *Натальей Николаевной! Она всего на два года старше тебя* (А. Геласимов. Рахиль. 2004).

В изолированном употреблении (без зависимого инфинитива) формы *брось, кончай, перестань* чаще всего вообще не являются требованием прекращения действия, а являются реакцией на высказывание адресата, своего рода «увещеванием» — попыткой скорректировать позицию, мнение адресата; выразить недоверие его словам; предотвратить нежелательное действие с его стороны и т. п.:

- Меня многие не любят. Кто-то стукнул нарочно, чтобы меня вытянуть... — Да ну, **брось**, Оля, — с досадой возразил я. — Любят — не любят, при чём здесь это...* (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000);
- *Что значит — достала? Ты это **брось**. Нужды стариков и младенцев — превыше всего* (А. Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001);
- *А что это такое, — спросил Андрей, — уровень жизни? — **Брось**, Андрей, — поморщившись, сказал Гриша. — Чего я не люблю, так это когда ты дураком прикидываешься* (В. Пелевин. Желтая стрела. 1993);
- *А подписка? А десять лет за разглашение? Это ты **брось** — рассказал бы!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978);
- *У меня куча денег. — **Брось**. — Серьёзно* (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961);
- Все равно никакого новогоднего настроения. — **Кончай**. — Что «кончай»? — Ничего. Насчет новогоднего настроения* (А. Геласимов. Год обмана. 2003);
- *За мной следят! — Да **перестань**.*

4. Дискурсивы

На следующем шаге эволюции многие иллокутивы превращаются в дискурсивы — метатекстовые показатели (ср. Вежбицкая 1978), выполняющие в составе разных речевых актов специальные функции: привлечь внимание адресата, усилить воздействие на него, придать больший вес своему высказыванию, выразить свое отношение к чему-л. и под. (под дискурсивами, или дискурсивными словами, понимают не только метатекстовые (вводные, парентетические) слова и конструкции, но также частицы и модальные слова, ср. (Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Дискурсивные слова 1998), — важно, что все они служат организации текста и, в числе прочих функций, «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» (Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7)):

Иллокутивы:	Дискурсивы:
<i>Постой, я сам</i>	<i>Постой-ка, мы же вчера его видели!</i>
<i>Погоди, я сам</i>	<i>Погоди, разве он уехал?</i>
<i>Брось говорить глупости</i>	<i>Да брось, не может этого быть!</i>

И здесь опять наиболее широкое представительство имеют пропозициональные глаголы: *Слышишь*, *Мельчук приезжает*; *Слушай*, *будь другом, подежурь за меня завтра*; *Видишь*, *я был прав*; *Ему, видишь ли, не нравится*; *Только вышел, смотришь, обратно идет*; *Веришь*, *я чуть не умер от страха*; *Я, знаешь, не очень верю таким людям*; *Я, знаешь, как испугался!*; *Скажешь*, *ты не знала?*; *Я, извините меня, не такой дурак, чтобы ему поверить*; *А вы, простите, кто?*; *А я, признаюсь, поначалу не поверил* и т. п.

Образование дискурсивов — это, конечно, тема отдельного исследования. У дискурсивов разные источники — это не только иллокутивы, но и, например, понижение в ранге пропозициональных глаголов: *Ты думаешь, что он не придет?* → *Думаешь, не придет?* Но типологически этот процесс сходен с образованием иллокутивов: каждая форма специализируется в своей функции, ср.: *Вижу*, *ты не очень расстроился*; *Видишь*, *я же говорил!* — но не *Вижу*, *я же говорил!* При этом, как уже упоминалось выше, у одного пропозиционального глагола нередко специализируются сразу несколько форм в разных метатекстовых функциях: *А он, представь, спустился по водосточной трубе*; *Три тарелки съел, представляешь?!*; *А я, представьте, и не собирался этого делать*; *Вот он засуетится, когда узнает, представляю...*; *Как он засуетился, когда узнал, ты не представляешь!*

В заключение отметим, что превращение отдельных форм в иллокутивные показатели, а затем в метатекстовые показатели — это единый процесс, и часто между этими состояниями (иллокутив и дискурсив) обнаруживаются переходные звенья, промежуточные этапы. Например, есть такие иллокутивы, которые предполагают изменения в мире, воздействие на ситуации и их субъектов: *Смотри!* (угроза), *Шевелитесь!*; есть такие, которые являются реакцией на чье-то высказывание, но тоже предполагают изменения в мире: *Можно присесть?* — *Валяй* (разрешение, за которым последует реализация разрешенного действия); есть такие, которые являются реакцией на высказывание, но не предполагают действий, а предполагают воздействие на речевое поведение адресата, его ментальные и психологические установки или просто самовыражение говорящего: *Не скажи!*; *Ну, ты скажешь!*; *Не говори!*; *И не вспоминай!*; *Не придумывай!*; *Не выдумывай!* И здесь происходит «смычка» с дискурсивами, многие из которых выполняют похожие функции: *А я, представь, и не собирался тебя ни о чем просить!*; *Подумаешь, Крым! Да я в Париже был!*

Однословные иллокутивы типа *идет* или *валяй* не являются классическими фразеологизмами с точки зрения формы, т. к. фразеологизм — это

устойчивое сочетание единиц. Но с точки зрения семантики их значения связаны и формой, и речевыми условиями реализации. Поэтому в широком смысле иллокутивы можно отнести к сфере фразеологии как науки о связанных значениях — точнее, к сфере иллокутивной фразеологии. Иллокутивная фразеология не является дополнительным («параллельным») разделом «обычной», «дескриптивной» фразеологии, это, скорее, «перпендикулярная» дисциплина, как и в целом недескриптивные функции языка «перпендикулярны» («ортогональны») его дескриптивной функции.

Хотя в целом иллокутив может претерпевать столь же сильное «затемнение» значения, что и, например, лексическая функция, это сходство внешнее и потому обманчивое. В дескриптивной сфере фразеологизация значений, утрата мотивированности, прозрачных живых связей с исходным значением происходит из-за того, что человеку нужно обозначать все более абстрактные сущности и отношения (к чему исходные значения с наблюдаемыми, физическими денотатами плохо приспособлены). Однако эти сущности лежат все в той же «дескриптивной плоскости».

Недескриптивные значения (модальную рамку, коннотативный компонент и т. п.) часто описывают как добавку к дескриптивному ядру, и, по-видимому, для каких-то классов недескриптивных значений это оправданно. Однако в случае иллокутивов дело обстоит иначе. Иллокутивные значения находятся не на верхних ступенях иерархии дескриптивных значений (в отличие от лексических функций и других абстрактных значений), а именно в другой плоскости (поэтому описывать, например, так наз. глагольные междометия типа *брось* или *хватит* в терминах изменения части речи, по-видимому, малопродуктивно). Использование слов и высказываний в различных иллокутивных функциях вообще не обязательно связано с изменением лексического значения: в перформативных высказываниях (ср. *Я прошу Вас остаться*) или в косвенных речевых актах (ср. *Зачем ты красишь забор в розовый цвет?*) лексические значения слов могут не меняться (тем не менее предложения в составе косвенных речевых актов идиоматичны, см. (Серль 1986: 206)). А если значения меняются (как в случаях типа *валяй* или *идет*), то здесь действуют особые механизмы, для описания которых требуется особый концептуальный аппарат.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // *Апресян Ю. Д.* Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995 С. 405—433.

- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 33—160.
- Апресян и др. 2010 — *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010.
- Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 — *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Вежбицкая 1978 — *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402—421.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217—237.
- Дискурсивные слова 1998 — *Дискурсивные слова русского языка* / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998.
- Иорданская, Мельчук 2007 — *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Киприянов 1983 — *Киприянов В. Ф.* Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983.
- Кобозева 2000 — *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кручинина 1990 — *Кручинина И. Н.* Междометия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Формы и значения глаголов восприятия // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып. 3. С. 171—186.
- Лукин 1986 — *Лукин М. Ф.* Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Филологические науки. 1986. № 3. С. 49—56.
- МАС — *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.* М., 1981—1984.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
- Мигирин 1971 — *Мигирин В. Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* 1996. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Русская грамматика — *Русская грамматика.* Т. 1. М., 1980.
- Пазухин 1974 — *Пазухин Р.* Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // *Studia Rossica Posnaniensia. Poznań*, 1974. № 6. С. 85—95.
- Серль 1986 — *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170—194.
- Тихонов 2002 — *Тихонов А. Н.* Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология.) М., 2002.
- Шигуров 2009 — *Шигуров В. В.* Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе речи (материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М., 2009.
- Шмелев 1961 — *Шмелев Д. Н.* К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // *Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.* 1961. Вып. 6. С. 498—505.